

**Луганський національний педагогічний університет
імені Тараса Шевченка
Науковий інститут прямої демократії
(Цюрих — Женева, Швейцарія)**

**НАУКОВІ ЗАПИСКИ
ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ**

СЕРІЯ «ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ»

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

Випуск IV

**СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕННЯ ЗНАНЬ
ПРО СВІТ, СУСПІЛЬСТВО, ЛЮДИНУ:
У ПОШУКАХ НОВИХ ЗМІСТІВ**

Том 1

**Луганськ
«Альма-матер»
2003**

О ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И ТЕКСТА В РАБОТАХ Ю.М. ЛОТМАНА

Владимир Николаевич Калюжный,

кандидат физико-математических наук,

доцент кафедры теории функций

и функционального анализа

Харьковского национального университета

В наше время структурно-семиотические исследования потеряли свою харизму. Они лишены объединяющего центра и четкого курса. Недавняя публикация своеобразного тартусского дайджеста [8] демонстрирует скорее терминологический разнобой, чем методичность. Это ставит на повестку дня задачу подготовки более систематизированных (не сводящихся к цитатникам) тезаурусов как самого Ю.М. Лотмана (ЮМЛ. — В.К.), так и школы в целом. Прояснение концепций исследователя становится еще более актуально с началом выхода академического собрания сочинений.

В предлагаемой статье мы постараемся проследить за судьбой идеи «функция текста» на протяжении всей творческой эволюции ЮМЛ. О неослабном внимании к этой проблеме свидетельствуют тезисы «Три функции текста» (1986 г.) и одноименная глава в книге [1]. Основное внимание мы сосредоточим на совместной с А.М. Пятигорским статье «Текст и функция» [2, 133-141]. Мы рассмотрим не только понятийную сторону вопроса, а попытаемся проанализировать и авторский дискурс ЮМЛ. В его природе может находиться ключик к разнообразным употреблением оборота «функция текста».

Наряду с понятиями «функция языка» и «функция текста» ЮМЛ использует еще более неопределенный оборот «функции слова» [2, 55]. Рассматриваются также функции предиката, функции собственных имен [2, 61, 71]. В частности, по мнению ЮМЛ «эпический

мотив наименования мира» выступает в функции «превращение хаоса в космос» [3, 104]. Более того, в ряде случаев автор ведет речь о функциях семиотических систем [2, 144], семиотических объектов, семиотических структур [1, 2, 4, 13]. В некотором предельном отношении у ЮМЛ даже получается, что сам «язык есть функция, сгусток семиотического пространства» [1, 164].

Понятие «функция текста» естественно сопрягается с концепцией «функция языка» [10]. Напомним, что Якобсон выделяет шесть функций языка: эмотивную (экспрессивную), коннативную, референтивную, фатическую, метаязыковую и поэтическую.

В книге [4], уделявшей основное внимание структуре, вопрос о функциях текста специально не рассматривался. Выражающий (быть может, не по своей воле) весьма негативное отношение к формализму, ЮМЛ пытался обесценить понятие приема: «это подводит нас к выводу об относительности самого понятия «прием», которое <...> заменится понятием «художественная функция текста» [4, 212].

Словосочетание «функция текста» появилось впервые в статье А.М.Пятигорского, опубликованной в сборнике «Структурно-типологические исследования» [9]. Заметим, что она вышла в тот же год, что и первая структуралистская статья ЮМЛ и за два года до выхода его книги «Лекции по структуральной поэтике».

Выдвинутая в название тема работы — «текст и функция» — сразу же вызывает сомнения. Действительно, понятия «текст» и «функция» разнопорядковы, лежат на разных смысловых уровнях. Текст — самостоятельный объект. Функция не может быть *сама по себе* — она всегда функция *чего-то*. Изучение текста направлено вглубь, функции — вовне. Функция — понятие общенаучное, общеупотребительное. Интерес к тексту ограничивается, как правило, рамками филологии. Разнородность объектов признают и авторы: «в принципе, мы имеем дело с различными объектами изучения» [2, 133].

Статья начинается с постановки задачи: «Целью настоящей работы является рассмотрение двух фундаментальных при изучении культуры понятий — текст и функция — в их взаимном отношении» [2, 133].

В пункте 0.1. «функция текста определяется как его социальная роль, способность обслуживать определенные потребности создающего текст коллектива» [2, 133]. Данное (возможно, ритуальное) положение как будто признает социальную функцию текста в качестве единственной и заставляет ожидать лишь ее дальнейшей детализации. Однако, похоже, что авторы не очень придерживаются данного ими определения. Первый абзац завершается выводом: «Таким образом, функция — взаимное отношение системы, ее реализации и адресата-адресанта текста» [2, 133]. Как он связан с определением? К «коллективу» в лучшем случае могут быть отнесены адресат и адресант. «Реализация», должно быть, представляет собой семиотический процесс. Под словом «система», скорее всего, подразумевается язык (и его продукт).

В пункте 0.3. предлагается иной взгляд на ключевое понятие: «В то же время функция является нам чистым конструктом, а в данном случае тем, в смысле чего возможно истолковать тот или иной текст или в отношении чего те или иные признаки текста могут быть рассмотрены как признаки функции» [2, 133]. Положение о чистоте (абстрактности) понятия функции очевидно. Но продолжение фразы непонятно. Что это за мифическое «то, в смысле чего»? Как «признаки текста» могут стать «признаками функции»?

Но на этом перипетии важнейшего конструкта не заканчиваются. Если рассматривать культуру «как совокупность текстов», то тогда «функция будет выступать по отношению к текстам как своего рода метатекст» [2, 133]. Но чтобы стать метатекстом (даже «своего рода»), не нужно ли предварительно иметь текстовую природу? Функция ведь все-таки не текст.

Если же «культура рассматривается как совокупность функций», то у авторов текст выступает как деривация от функции [2, 133]. Подобный взгляд на

культуру не детализируется, хотя здесь можно уловить экстраполяцию на культуру структуралистского подхода к языку как совокупности отношений. Представить текст как «производное от функции или функций» затруднительно, как и то, что текст и функция рассматриваются на одном уровне. Идею 'культуры как совокупности функций', возможно, будет легче понять, если культурную функцию понимать как 'культурную потребность, запрос'. В одной из статей, написанных примерно в то же время, что и «Текст и функция», можно найти иные варианты функций культуры: «иметь разделение письменности на художественную и нехудожественную», «иметь разделение на поэзию и прозу» [6].

В конечном счете странно, почему наполнение общепринятого понятия «функция» должно зависеть от «общих подходов» к культуре?

С самого начала авторами декларируется [2, 133], что понятие текста определяется «в соответствии со статьей А.М. Пятигорского» [9]. Но это не совсем так — в новой совместной работе доминирует культурологический пафос в отличие от «сигнальной» ориентации работы [9]. В указанной статье А.М. Пятигорский в соответствии со своими задачами предполагает, что текст «понятен, т.е. не нуждается в дешифровке»; у ЮМЛ же идея зашифрованности текста является одной из ключевых.

Для культурологического понятия текста «сам факт лингвистической выраженности» недостаточен; необходима дополнительная, «значимая в данной системе культуры, выраженность» [2, 133], «дополнительная сверхязыковая организованность» [2, 134]. Характеристика «значимая» разовьется со временем в понятие «значение»: «Текст по отношению к не-тексту получает дополнительное значение». Может случиться, что из двух «совпадающих на лингвистическом уровне высказываний» «одно в системе данной культуры удовлетворяет представлениям о тексте, а другое — нет». Но в чем же заключаются эти «дополнительные значения» и «представления»? Выясняется, что «сущность собствен-

но текстовой семантики» (в отличие от лингвистической семантики) определяется авторитетностью в той или иной сфере (наука, религия, право, искусство). Менее понятно, почему сообщению, получившему статус текста, «приписывается значение истинности» [2, 135]. Получается, что, начав с общей проблемы значения текста, авторы приходят к весьма частному логизированному «значению истинности». Они патетически восклицают: «Ложный текст — такое же противоречие в терминах, как ложная клятва, молитва, лживый закон». И хотя «ложных молитв» действительно не бывает, ложными обещаниями, несправедливыми решениями, несправедливыми приговорами, псевдонаучными трудами история переполнена. Возможно, говоря об «истинности», авторы подразумевают культурную ценность.

В классической логике высказывание либо истинно, либо ложно. У авторов же статьи значение градуируется: «высокая степень текстового значения воспринимается как гарантия истинности <...> текстовое значение растет по мере затушевывания общезыкового» [2, 136], «создается иерархия текстов с последовательным возрастанием текстового значения» [2, 137].

В то же время «наблюдается тенденция делать тексты <...> непонятными для адресата», создавать «затрудненность рациональной дешифровки». Не противоречит ли это установке на то, что текст «не содержит мешающих его пониманию лингвистических трудностей» [9, 16]? Так или иначе, но понятие «текстового значения» в статье остается не проясненным. В результате появляется возможность утверждать, что «в каждом тексте неизбежно возникает борьба между его языковым и текстовым значением» [2, 137], что «текст и не-текст могут меняться местами в отношении к своей культурной функции [2, 138].

Сходные вопросы рассматривались ЮМЛ в статье [5], преобразованной позднее в главу «Проблема значения в художественном тексте» в книге [7]. Парадоксально, что эта более специальная глава предшествует главе «Понятие текста». Проблема значения в книге излагается совершенно иначе, чем в обсуждаемой статье.

В книге возникает дополнительный поворот: «Быть романом, «быть документом», «быть молитвой» — означает реализовывать определенную культурную функцию и передавать некоторое целостное значение». Здесь функция текста связывается с «некоторым набором признаков». При этом «передача признака другому тексту — одно из существенных средств образования новых значений» [7, 68].

В пункте 3.0. рассматриваемой статьи упоминается «функция фиксатора, превращающего высказывание в текст» [2, 137]. По всей видимости, эта функция совпадает с «таким свойством, как выраженность в определенной системе знаков («фиксация»)» [2, 133]. В пункте 3.3. авторы вскользь касаются «культурной функции» «текста и не-текста» [2, 139].

Предварительный итог статьи «Текст и функция» подводится в пункте 4.0.: «Система текстовых значений определяет социальные функции текстов в данной культуре. Таким образом, можно отметить три типа отношений: 1) субтекстовые (общезыковые) значения; 2) текстовые значения; 3) функции текстов в данной системе культуры» [2, 138].

Прежде всего заметим, что обсуждение текстовых значений не было как-то связано с социальными функциями текстов. Поэтому утверждать, что одни определяются другими преждевременно. По аналогичным причинам логическая связка «таким образом» некорректна. С другой стороны, выражение «можно отметить» ни к чему и не обязывает. Как из «функций» возникают «отношения» и, далее, «значения», не поясняется.

Получается, что в соответствии с 1) «система текстовых значений определяет» «субтекстовые (общезыковые) значения», что не верно в силу их независимости. Далее, утверждать на основании 2), что «система текстовых значений определяет» «текстовые значения» — это тавтология. Сомнительно и 3), где функции текстов в культуре детерминированы их частным типом — социальными функциями.

Пункт 4.1. сводится к одному предложению: «Следовательно, возможно описание культуры на трех раз-

личных уровнях: на уровне общезыкового содержания составляющих ее текстов, на уровне текстового содержания и на уровне функций текстов».

Логическая связка «следовательно» имеет здесь тавтологический характер, поскольку приведенное перечисление является переформулировкой позиций 1); 2); 3) из пункта 4.0. К вариациям можно отнести перевоплощение «значений» в «содержания» и «сдачу» культуры в 3).

Приведенную триаду целесообразно сравнить с выводами в пункте 6.0.: «Таким образом, описание некоторой системы культуры должно строиться на трех уровнях: 1) описание субтекстовых сообщений; 2) описание культуры как системы текстов; 3) описание культуры как набора функций, обслуживаемых текстами». Несмотря на трансформацию модальности (от «возможно» к «должно»), главное — «описание культуры на трех различных уровнях» — не меняется. Из второстепенных (безобидных?) преобразований отметим следующие: «общезыковое содержание» → «субтекстовое сообщение», «текстовое содержание» → «система текстов».

Наиболее существенное превращение происходит в позиции 3): «функции текстов» → «функции, обслуживаемые текстами». Заметим, что функции, обслуживаемые (обеспечиваемые) объектом — это вовсе не функции самого объекта. Первые по идее существуют до самих объектов; это некоторые открытые позиции, валентности. Вторые определяются объектом.

В целом же нужно признать, что выбор трех уровней должным образом не мотивирован. Обратим также внимание на то, что в пункте 4.2. при очередном перечислении «трех уровней» вместо выражения «функция текста» фактически употребляется оборот «функциональное значение» [2, 139]. Такой поворот весьма любопытен: в результате все три уровня как бы получают единую природу — природу значения. Однако, это всего лишь очередное (стилистически обусловленное?) варьирование терминологии. В том же пункте 4.2 упоминаются «прагматические функции» текста. Это заставляет задуматься, не должна ли «текстовая семантика» пониматься как прагматика?

В пункте 4.2.1. происходит то, что можно было бы назвать попыткой обоснования независимости трех исследуемых уровней культуры. Для этого рассматривается $8 = 2^3$ априорно представимых случаев, определяемых фактом наличия/отсутствия каждого из трех признаков. Задача состоит в демонстрировании конкретных примеров, удовлетворяющих последовательностям из трех знаков «+» или «-».

Понимание текста в статье «Текст и функция» интересно сравнить с его трактовкой в других работах ЮМЛ. Раздел «Риторика текста» статьи «Риторика» (1981) начинается с отождествления текста «с отдельным, замкнутым в себе и имеющим целостное, нерасчленимое значение и целостную, нерасчленимую функцию семиотическим образованием» [2, 177]. Статья же «Семиотика культуры и понятие текста» (1981) опровергает «первоначальные определения текста, подчеркивавшие его единую сигнальную природу, или нерасчленимое единство его функций в некоем культурном контексте» [2, 129].

Между функцией текста и его структурой нет автоматической связи. Кроме того, «система отношений между функциями и текстами» в каждой культуре складывается по-своему [2, 205]. Существенную роль играют функциональные противопоставления: «официальное — интимное», «устное — письменное» и другие [2, 162]. С другой стороны, свойство высказывания «быть текстом» зависит от его функции в культуре [2, 184]. В итоговой работе ЮМЛ предпочитает мыслить текст уже «не как некоторый стабильный объект, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции» [3, 102].

В конечном счете, выражение «функция текста» оказывается двусмысленным. В первом (наиболее типичном) случае подразумевается частная (одна из многих) функция. Во втором смысле речь идет о «выполнении функции текста» как такового, а не обладании ею. «Выполнять функцию текста» означает 'быть текстом', 'обладать сущностью текста'. Именно в этом смысле, нужно думать, ЮМЛ говорит о «не-текстах, выполняющих функцию текстов» [2, 138].

Попробуем обозреть, какие конкретные функции текста выделялись в публикациях ЮМЛ примерно за 30 лет.

Первая — простейшая — функция языка состоит в передаче информации. С точки зрения этой «при-марной» коммуникативной функции, работа языка заключается в передаче неизменного сообщения. В этом случае текст выполняет «роль своеобразной упаковки, функция которой — донести без потерь и изменений» исходный смысл [2, 25-26, 101, 144]. Эту функцию Соссюр представлял себе «как главный принцип языка» [1, 20]. Ее естественно связать с эмотивной (экспрессивной) функцией языка. Любопытно, что «газета, сданная в библиотечный фонд на хранение, уже теряет свою функцию информатора» [3, 133].

Информативная функция текста является частным случаем «социальной функции». В статье «Семиотика культуры и понятие текста» (1981) последняя детализируется, сводясь к следующим процессам: 1. Общение между адресантом и адресатом. Текст выполняет функцию сообщения; 2. Общение между аудиторией и культурной традицией (функцию коллективной культурной памяти); 3. Общение читателя с самим собою (актуализация личности адресата); 4. Общение читателя с текстом. Текст функционирует как интеллектуальное образование; 5. Общение между текстом и культурным контекстом. Текст приобретает черты модели культуры и автономной личности [2, 131-132].

Функция автокоммуникации рассматривается в статье «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (1973). В процессе передачи сообщения по системе «Я — Я» происходит перестройка самой личности и реализуется широкий круг культурных функций — от «ощущения своего отдельного бытия до самопознания и аутопсихотерапии». При этом текст «обрастает индивидуальными значениями и получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций» [2, 83-84].

Наиболее близкой к поэтической функции языка, по Якобсону выступает «эстетическая функция» текста. Реализующий «эстетическую функцию» текст относит-

ся к художественной литературе. Вопреки положениям формальной школы с ее установкой на «как», а не на «что», ЮМЛ не устает подчеркивать, что «эстетически функционирующий текст» выступает как текст повышенной «семантической нагрузки» [2, 203-204]. Чем обеспечивается «эстетическое функционирование» текста? В структурном плане оно обуславливается наличием «двойной шифровки» текста [2, 204], наличием «дополнительных упорядоченностей», литературных приемов. Художественная значимость базируется, в конечном счете, на «той или иной языковой функции» [7, 250]. К «нехудожественным функциям ЮМЛ относит политическую, религиозную функцию» [7, 91].

С художественной литературой связана вторая основная функция текста — «порождение новых смыслов». В смыслообразующей функции текст является не «вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором» [2, 151—152]. Родственную «функцию катализатора» могут играть «периферийные семиотические образования», «чужие» для данной системы [2, 17]. Наряду с указанными осуществляется и «функция переорганизации смыслов» [2, 84].

В статье «Риторика» (1981) говорится и о «риторической функции» [2, 180]. Основа смыслообразования (со ссылкой на Якобсона) видится в «культурной функции риторических фигур» [2, 170].

Любопытно, что такой специфический текст, как сон выполняет «особую и весьма существенную культурную функцию: быть резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами» [3, 126].

«Сдвиг смысла и его приращение» ЮМЛ характеризует как творческую [2, 145], «креативную» функцию [1, 14, 15, 17] текста. Мы видим, что акцент делается на самом тексте, а не на человеческом факторе. Описанную функцию текста ЮМЛ приписывает не только тексту, но и языку [1, 16, 20].

Статья «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (1973) позволяет говорить о кодовой функции текста. В ее рамках тексты функционируют не

как сообщения на некотором языке, а как «коды, концентрирующие в себе информацию о самом типе языка» [2, 84-86].

Статья «Символ в системе культуры» (1987) вводит понятие «символической функции». Отмечается, что культура нуждается в текстах, «выполняющих функцию архаики». Символы «представляли собой свернутые мнемонические программы» [2, 191-192]. В статье «Несколько мыслей о типологии культур» (1978) рассматривается «сакральная функция» (наряду с «регулирующей и управляющей функцией») комплекса: символ — обряд — ритуал [2, 103-104].

Третья ключевая функция текста связана с памятью культуры. «В этом аспекте тексты образуют свернутые мнемонические программы» [2, 146], «конденсаторы культурной памяти» [1, 21]. «Функция обеспечения общей памяти коллектива» «особенно значительна в бесписьменных культурах и в культурах с доминирующим мифологическим сознанием» [2, 150]. В этом велика роль символов, которые «берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты» [2, 192].

Данная функция реализуется не только на глобальном, но и на персональном уровне. Так, согласно ЮМЛ, сделанная конкретным лицом запись может иметь мемориальную, мемориально-мнемоническую, мнемоническую, и даже конспиративную функцию» [2, 82, 243].

Отметим, что мнемоническая (с ее разновидностями — матамнемонической и аутомнемонической) функция детально рассматривалась в статье А.М. Пятигорского [9, 18, 22, 24, 27, 28].

Отмеченная Р. Якобсоном метаязыковая функция четко им не определяется. Он ограничивается ссылкой на современную логику, где проводится различие между «объектным языком» и «метаязыком», на котором говорят о языке [10, 202]. Концепция 'метауровня' также принадлежит к числу излюбленных идей ЮМЛ. Реализуясь в многообразных вариантах, она приводит к дальнейшему разрастанию терминологии.

По представлению ЮМЛ, культура «постоянно описывает самое себя» «на метаструктурном уровне». Эти метаописания оказывают обратное воздействие на ее развитие [2, 119-120]. Коммуникативной системе, выполняющей метаязыковую роль, приписываются черты универсальной модели культуры [2, 187]. Язык воспринимается субъектом «сквозь призму метаописаний». При этом «языковое метасознание отождествляет письменную форму языка с языком как таковым» [2, 40]. В то же время письменная речь может выполнять «метаязыковую функцию» по отношению к устной речи [2, 187]. При мифологическом описании описываемый объект и описывающий его метатекст (то есть «текст, выполняющий металингвистическую функцию по отношению к данному») «принадлежат одному и тому же языку» [2, 58].

Наконец, согласно ЮМЛ, язык «может выполнять моделирующую функцию» [7, 22], которая не входит в «шестерку» функций по Якобсону. «Центральный мифообразующий механизм культуры» строит картину мира, «реализуя ряд функций науки в донаучных» обществах [2, 225, 234]. В качестве примера отмечается, что в конце XVIII в. «общезыковая научная функция закреплена была за французским языком» [3, 64].

Подводя итог, мы вынуждены констатировать, что взгляды ЮМЛ на соотношение функции и текста не отличались последовательностью. Он не столько разрабатывал эту проблему, сколько использовал функциональный подход при описании более привлекательных объектов.

Разнообразные типы функций, разбросанные по работам ЮМЛ, сложно привести в стройную систему. Начав с попытки установить некоторую классификацию, он отказался от этого в пользу неконтролируемого терминотворчества. Его куда больше привлекали ситуации, когда «функция и текст вступали в противоречие» [7, 364]. Да и сам текст у него проявляет черты «динамического, внутренне противоречивого явления» [2, 146]. Кроме того, у него «язык и текст постоянно меняются местами и функциями» [2, 242]. Все

это вполне соответствует хаосоцентричному взгляду, утвердившемуся в последний период.

В то же время в ряде работ ЮМЛ все многообразие функций текста сводил к трем: информативной, генеративной, мемориальной. По его логике они происходят от соответствующих функций «мыслящих объектов», «интеллектуальных способностей» [1, 2]. При этом он не делает попытки связать функции текста с функциями языка.

Неоднократно подчеркивая функцию памяти, сам ЮМЛ явно недостаточно осуществлял ее в своих произведениях. Другими словами, он практически не ссылался на свои работы, где затрагивалась эта тема. Возможно потому, что именно проблемы «функции текста» перед ним не стояло. Но именно благодаря подобной «беспамятности» под пером ЮМЛ каждый раз рождались новые, оригинальные варианты.

Выводы. Таким образом, проблема взаимосвязи функций языка, текста, дискурса остается открытой. Сложная своей междисциплинарностью, она нуждается в совместных усилиях лингвистов, литературоведов, семиотиков, культурологов. Продвижение в этом направлении будет способствовать обоснованию теоретической базы гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. — Таллинн, 1992. — Т.1.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. — М., 1992.
4. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М.Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. — М., 1994.
5. Лотман Ю.М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. — 1965. — Вып. 181.
6. Лотман Ю.М. О типологическом изучении литературы // Проблемы типологии русского реализма. — М., 1969.

7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970.
8. Материалы к словарю терминов тартусско-московской семиотической школы. — Tartu, 1999.
9. Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. — М., 1962.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975.

Володимир Калюзний
ПРО ФУНКЦІЇ МОВИ ТА ТЕКСТУ
У РОБОТАХ Ю.М. ЛОТМАНА

Розглядається проблема взаємовідносин понять «текст» і «функція» за більш ніж 30-річний період творчості Ю.М. Лотмана. Констатується, що його погляди на співвідношення функції та тексту не вирізнялись послідовністю, не робилась спроба зв'язати функції тексту з функціями мови.

Volodumir Kaluzhniy
ON THE LANGUAGE AND TEXT FUNCTIONS
IN WORKS OF Y.M. LOTMAN

The problem of mutual relation of the concepts of Text and Function in works by Yuriy Lotman is considered. It is stated, that his viewpoint on the Function-Text correlation was not logically consistent. In my opinion there was no attempt to connect functions of the text with those of the language.